

Андрей

ЛЕКЦІИ

Х.

ПО

С

ИСТОРИИ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

И. Д. БЪЛЯЕВА

Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ

Ординарнаго профессора ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго
Университета.

Второе изданіе.

ТИПОГРАФІЯ А. А. БАРЦЕВА

Композитор ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Москва. Покровка, д. Егорова.

1888.

JUL 18 1922

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Болѣе пяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Московскій Университетъ и русская историко-юридическая наука лишились одного изъ видныхъ и трудолюбивѣйшихъ своихъ дѣятелей—Ивана Дмитріевича Бѣляева. Со времени окончанія курса въ Университетѣ—съ 1833 года по 1873 годъ (годъ смерти И. Д. Бѣляева), т. е. въ продолженіе сорока лѣтъ, неутомимо трудился Иванъ Дмитріевичъ надъ различными вопросами русской исторіи и русскаго права. Плодомъ этихъ трудовъ явилась масса изслѣдованій и статей, очень цѣнныхъ для всякаго заинтересованнаго тѣмъ или другимъ изъ этихъ вопросовъ. Однако пользоваться этими изслѣдованіями вещь далеко не легкая; часто интересующійся знаетъ, что по такому-то вопросу существуетъ статья И. Д. Бѣляева, но гдѣ сыскать ее? вотъ затрудненіе! Полнаго собранія сочиненій И. Д. Бѣляева не существуетъ, отдѣльных изданій многихъ его изслѣдованій нѣтъ; они разсыпаны въ массѣ повременныхъ изданій того времени: въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. русскійскихъ, во Временникѣ, въ Журн. Мин. Юстиціи, Душеполезномъ Чтеніи, Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., Русской Бесѣдѣ, Русскомъ Вѣстникѣ, Библіотекѣ для Чтенія, въ Дѣлѣ, въ Извѣст. Акад. Наукъ, въ Москвитинѣ, Киевлянинѣ, Запискахъ Рус. Геогр. Об., Рус. Археол. Общ., Одесскаго Общ. Ист. и Древн., Православномъ Обзорѣніи, Юридическомъ Журналѣ—Салманова, въ Зрителѣ, Арх. Ист.-Юрид. свѣд.—Калачова, въ отчетахъ Москов. Университета и друг. Чтобъ ознакомиться съ этими изслѣдованіями, жителю столицъ придется посѣщать публичныя бібліотеки, а жителю провинціи, при всемъ своемъ желаніи, часто будетъ вынужденъ совсѣмъ отказаться отъ надежды узнать ихъ. Неужели мы такъ и не дождемся полнаго собранія сочиненій И. Д. Бѣляева? Неужели такъ и не найдется въ Россіи лицо, которое съ матеріальными средствами соединяло бы въ себѣ высокую любовь къ русской исторической наукѣ и желаніе пособить ея дальнѣйшимъ успѣхамъ? Не вѣрю. Замѣчу кстати, что нѣкоторыя изъ сочиненій г. Бѣляева, выпедшія отдѣльнымъ изданіемъ, какъ напримѣръ «Крестыне на Руси», уже давно вышли изъ продажи и найти ихъ очень трудно, развѣ какъ нибудь по случаю.

Кромѣ высказаннаго желанія видѣть полное собраніе сочиненій И. Д. Бѣляева, отъ многихъ лицъ, интересующихся русской исторіей и правомъ, часто приходилось слышать вопросы: отчего не издается курсъ исторіи русскаго права, или, какъ онъ самъ обыкновенно называлъ—«исторіи русскаго законодательства»,

читанный имъ въ Московскомъ Университетѣ, и будетъ-ли онъ когда-нибудь изданъ? Дѣйствительно, было бы крайне жалъ, если бы этотъ курсъ, плодъ двадцатилѣтнихъ чтеній этого предмета въ Московскомъ Университетѣ, погибъ бы безъ пользы для публики и студентовъ. Вѣроятно, эта участь и постигла бы его, если бы не явилась помощь со стороны одного изъ его друзей и цѣнителей, Александра Ивановича Кошелева, уговорившаго наслѣдниковъ собрать всѣ собственноручныя тетради лекцій покойнаго и взявшаго на себя всѣ издержки по печатанію и изданію этихъ лекцій.

Теперь поясню свое участіе въ этой книгѣ; оно было самое скромное. А. И. Кошелевъ обратился ко мнѣ съ лестнымъ для меня предложеніемъ: взять на себя трудъ привести собственноручныя тетради покойнаго въ порядокъ и присмотрѣть за печатаніемъ ихъ. Какъ ученикъ и почитатель личности и трудовъ Ивана Дмитріевича, я съ удовольствіемъ принялся за это дѣло; просмотрѣлъ всѣ тетради и изъ нѣсколькихъ редакцій выбралъ позднѣйшую, какъ лучшую. Кромѣ того, я счелъ долгомъ не упускать изъ вида записокъ студентовъ, потому что покойный имѣлъ привычку на лекціяхъ дополнять текстъ тетрадей примѣрами и дѣлать болѣе подробныя поясненія его; такъ что кое-что изъ студенческихъ записокъ также попало въ настоящую книгу. Далѣе, относительно текста собственноручныхъ записокъ г. Бѣляева считаю обязанностию заявить, что онъ оставленъ мною безъ всякой перемѣны. Я не считалъ себя въ правѣ дѣлать примѣчанія даже и въ томъ случаѣ, когда былъ не согласенъ съ мнѣніями И. Д. Бѣляева. Считаю также нужнымъ замѣтить, что г. Бѣляевъ при жизни своей не предназначалъ своего курса къ печати, а потому онъ является здѣсь не съ тою тщательною отдѣлкою въ литературномъ и научномъ отношеніи, съ какою бы онъ явился изъ рукъ самого автора. Но, несмотря на все это, надѣмся что трудъ этотъ приметъ публикой съ тѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживаетъ. Безъ него не обойдется ни одинъ, занимающійся русской исторіей и правомъ, а профессора этого права и студенты должны сказать двойное спасибо этому труду за ту помощь въ ихъ занятіяхъ, какую онъ принесетъ; такъ какъ, если не считать устарѣвшаго «Опыта исторіи рос. государственныхъ и гражданскихъ законовъ» Рейца и «Исторіи русскаго права» Михайлова, далеко не удовлетворительнаго, это будетъ единственное пособие въ ихъ занятіяхъ. На окончаніе же прекраснаго задуманнаго труда Леонтовича нѣтъ надежды, такъ какъ вотъ уже десять лѣтъ прошло послѣ перваго выпуска его «Исторіи русскаго права», а продолженія его мы не видимъ.

С. Петровскій.

Москва
1878 г.
Декабрь 18.

ВВЕДЕНІЕ.

Значеніе исторіи законодательства. Московскій Соборъ 1551 года слѣдующимъ образомъ выразилъ отношеніе закона къ обществу: „*Въ кождо странѣ законъ и отчина, а не приходятъ другъ ко другу, но своего обычая кійждо законъ держитъ*“. Понятіе сіе доселѣ не потеряло своей силы и своего значенія, и конечно никогда не потеряетъ. Представители собора здѣсь выразили глубокое пониманіе о значеніи закона, основанное на его сущности и природѣ. Дѣйствительно законъ есть отчина въ каждомъ обществѣ. Самостоятельное общество, пока оно самостоятельно, не можетъ подчиниться чуждымъ законамъ, принесеннымъ со стороны; подчиненіе чуждымъ законамъ есть уже явный признакъ паденія общества. Законы должны вытекать изъ исторической жизни народа. Связь между закономъ и внутреннею историческою жизнію народа такъ неразрывна, что ни изученіе законодательства не можетъ быть вполне понятно безъ изученія внутренней жизни народа, ни изученіе внутренней жизни—безъ изученія законодательства. На такую тѣсную связь законодательства съ внутреннею жизнію общества указываетъ и завѣдывавшій комиссіею составленія законовъ Россійской имперіи, князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, когда онъ въ своемъ докладѣ Государю Императору Александру I-му отъ 28 февраля 1804 года пишетъ: „*нельзя распространить предположъ дѣйствія комиссіи такъ, чтобы представить ей сочиненіе законовъ новыя, или введеніе чуждыхъ образу правленія и мѣстному положенію Россіи несоотвѣтственныхъ. Въ такомъ случаѣ комиссія принесла бы болѣе вреда, нежели пользы государству*“. Это мнѣніе князя Лопухина совершенно согласно съ мнѣніемъ Московскаго собора, что „*въ кождо странѣ законъ и отчина, а не приходятъ другъ ко другу*“, только выражено съ болѣею опредѣленностію. Лопухинъ въ своемъ мнѣніи говоритъ, что нельзя ни заимствовать законовъ со стороны, т. е. изъ другихъ государствъ, ни сочинять новыхъ законовъ, основываясь на однихъ теоріяхъ, и не справляясь ни съ внутреннею жизнію, ни съ потребностями того общества, для котораго пишутся законы. А посему ежели такъ неразрывна связь закона съ жизнію, то необходимо и развитіе законодательства должно итти въ строгой послѣдовательности съ развитіемъ жизни общества. А когда это такъ, то правильное и полное изученіе законодательства возможно только при изученіи исторіи законодательства, а исторія законодательства должна итти параллельно съ исторіею внутренней жизни общества, они должны другъ друга поддерживать и объяснять. Современная жизнь нашего отечества и современное законодательство не могутъ быть вполне понятны и ясны для насъ, ежели мы незнакомы съ судьбами и исторіей предшествовавшей жизни и законодательства, ибо вездѣ и во всемъ послѣдующее имѣетъ тѣсную связь съ предыдущимъ, въ послѣдующемъ, современ-

номъ всегда еще много остается отъ предшествовавшаго, ирошедшаго; а въ законодательствѣ эта связь предшествовавшаго съ послѣдующимъ еще яснѣе: каждый послѣдующій законодательный памятникъ (за исключеніемъ немногихъ) есть ничто иное, какъ развитіе предшествовавшихъ памятниковъ, для которыхъ онъ служитъ или дополненіемъ, или объясненіемъ, или ограниченіемъ и отиѣненіемъ. А законодательные кодексы, или сборники, составляются именно изъ узаконеній всего предшествовавшаго времени, которыя еще не потеряли своей силы; такъ составились всѣ кодексы Римскаго Права, такъ постепенно росла наша Русская Правда, такъ составились Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и нынѣшній Сводъ законовъ Россійской имперіи. Въ предисловіи къ Уложенію о его составѣ именно сказано: „Государь указалъ, чтобы прежнихъ Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, и отца его Государева, блаженныхъ памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указы, и боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла собирать, и тѣ Государскіе указы и боярскіе приговоры съ старыми Судебниками справити“. Здѣсь мы ясно видимъ, что источниками для Уложенія царя Алексѣя Михайловича были всѣ предшествовавшіе законодательные памятники въ Россіи. Тотъ же порядокъ встрѣчаемъ и при составленіи нынѣ дѣйствующаго Свода законовъ Россійской имперіи: предварительно составленію высочайшимъ указомъ повелѣно было собрать изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ всѣ прежніе указы и постановленія, начиная съ Уложенія, которые, согласно высочайше утвержденному положенію отъ 22 сентября 1827 года, и были напечатаны подъ названіемъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской имперіи, а потомъ уже изъ сего Полнаго Собранія былъ составленъ Сводъ Законовъ. Такимъ образомъ, самый составъ законодательныхъ памятниковъ указываетъ на необходимость изучать исторію законодательства. Законодательство какой либо страны нельзя изучить ясно и вполне, не изучивши напередъ, какъ оно образовалось историческимъ путемъ, и дошло до того развитія, въ которомъ находится въ данное время.

Періоды развитія русскаго законодательства. Указавши на эту тѣсную связь, въ которой находится изученіе законодательства какой либо страны, съ изученіемъ исторіи законодательства и внутренней жизни того общества, которому принадлежитъ законодательство, мы теперь перейдемъ къ исторіи отечественнаго законодательства, соединяя ее съ изученіемъ исторіи внутренней жизни русскаго общества, насколько это будетъ нужно для полнаго и основательнаго уразумѣнія самой исторіи законодательства. Здѣсь прежде всего мы должны указать на различные элементы, которые время отъ времени втекали въ жизнь русскаго общества, и болѣе или менѣе измѣняли характеръ общественной жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняли и законодательство. Первымъ основнымъ элементомъ русскаго общества были разныя славянскія племена, въ разное время пришедшія въ здѣшнюю страну съ Дуная, и какъ колонисты, поселившіеся между старожилами здѣшняго края финнами. Вторымъ основнымъ элементомъ русскаго общества были Варяги-Русь, пришедшіе по приглашенію ильменскихъ Славянъ изъ Скандинавскаго полуострова, и по взаимному соглашенію, составившіе вмѣстѣ съ Славянами одно русское общество, послужив-

шее зерно для образованія русскаго государства. Потомъ, по порядку времени, слѣдовали элементы: византійскій, принесенный въ русское общество вмѣстѣ съ христіанствомъ, принятымъ Русскими изъ Византіи; далѣе элементъ монгольскій, проникнувшій въ русское общество во время владычества Монголовъ, и наконецъ литовскій и западно-европейскій. Элементы сіи, по мѣрѣ своего притеченія въ русскую жизнь, дѣляютъ исторію русскаго законодательства на слѣдующіе періоды:

Первый періодъ — до введенія христіанства Владимиромъ Святимъ; къ этому періоду относится исторія внутренней жизни общества въ славянскихъ племенахъ, какъ предъ пребываніемъ Рюрика, такъ и по прибытіи его, когда славянскій элементъ соединился съ вновь прибывшимъ элементомъ варяго-русскимъ. Законодательство этого періода выразилось въ коренномъ устройствѣ славянскихъ племенъ и въ узаконеніяхъ Рюрика, Олега, Игоря, Ольги и Святослава.

Второй періодъ начинается введеніемъ христіанства въ Россіи и оканчивается соединеніемъ русскихъ удѣльныхъ княжествъ, частью подъ скипетромъ московскаго государя, частью — литовскаго. Въ первой половинѣ этого періода къ элементамъ славянскому и варяго-русскому присоединился третій элементъ — византійскій, принесенный на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ, и имѣвшій сильное вліяніе на развитие внутренней жизни народа и много участвовавшій въ развитіи законодательства введеніемъ греческихъ Номоканоновъ. Во второй половинѣ этого пятисотлѣтняго періода къ первымъ тремъ элементамъ присоединился четвертый элементъ — монгольскій или татарскій, который, по враждебности своей, хотя не могъ имѣть сильнаго вліянія на внутреннюю жизнь народа, но тѣмъ не менѣе много дѣйствовалъ въ административномъ значеніи. Законодательство сего періода выразилось въ уставахъ Владимира и Ярослава, въ „Русской Правдѣ“, имѣвшей нѣсколько подновленій, въ переводныхъ греческихъ Номоканонахъ, въ Псковской Судной Грамотѣ, въ Судной Грамотѣ Новгородской, и въ разныхъ уставныхъ, договорныхъ, жалованныхъ и другихъ грамотахъ, частью дошедшихъ до насъ и частью извѣстныхъ только по упоминаніямъ въ разныхъ памятникахъ. Въ этомъ періодѣ внутренняя жизнь народа сперва имѣла общій характеръ развитія для всѣхъ племенъ подъ вліяніемъ христіанства, а потомъ, вслѣдствіе раздробленія Россіи на удѣлы, общее развитіе жизни получило нѣкоторые отбѣнки особенностей по разнымъ удѣламъ.

Третій періодъ занимаетъ пространство времени отъ соединенія сѣверовосточныхъ русскихъ княжествъ съ Москвою, а западныхъ съ Литвою, до царствованія цари Алексѣя Михайловича. Въ этомъ періодѣ внутренняя народная жизнь на сѣверовостокахъ кипѣла борьбою удѣльныхъ особенностей съ всепоглощающимъ уровнемъ московской жизни. Удѣлы, потерявшіе свое политическое значеніе подчиненіемъ московскому государю, продолжали еще отстаивать свои особенности внутренней жизни и въ администраціи и въ обычаяхъ. Эту борьбу московскіе государи, особенно начиная съ цари Ивана Васильевича, вели съ неподражаемымъ искусствомъ. Царь Иванъ Васильевичъ показалъ первый примѣръ сглаживать непокорныя особенности народной жизни въ уничтоженныхъ удѣлахъ, оставляя на про-

изволь жителей управляться наместниками, присылаемыми изъ Москвы, или собственными выборными судьями, старостами и излюбленными головами. Въ это же время на западѣ Россіи, т. е. въ литовско-русскомъ государствѣ, такая-же шла борьба мѣстныхъ народностей съ общимъ уровнемъ государства; но тамъ желаніе всюду ввести латинскую вѣру и вообще слишкомъ крутыя и неблагоприятныя мѣры испортили все дѣло и исходъ борьбы кончился присоединеніемъ Литовской Руси къ московской. Главные законодательные памятники этого времени въ Московской Руси были: „Судебникъ Великаго Князя Ивана Васильевича“, „Судебникъ Царя Ивана Васильевича“, и разные дополнительныя къ нимъ указныя статьи, уставы и соборныя опредѣленія; въ литовской же Руси три редакціи литовскаго Статута съ разными привилегіями и дополненіями.

Четвертый періодъ русскаго законодательства и внутренней народной жизни составляетъ пространство времени отъ царя Алексѣя Михайловича до нашихъ временъ. Здѣсь внутренняя народная жизнь проявляется въ борьбѣ съ наплывомъ новыхъ идей западно-европейскаго образованія. Сіи новыя идеи начали понемногу проникать въ народную жизнь Руси еще въ предшествовавшій періодъ и особенно распространились во время смутъ самозванщины, когда представители (для русскихъ) тогдашняго европейскаго образованія: Поляки, Литовцы, Шведы и разные европейскіе искатели счастья, старались расхитить достояніе русскаго царства и толпами бродили по русской землѣ, то дрались, то дружились съ русскими, и передавали имъ свой образъ мыслей, свои западные обычаи. Хотя сіи пришельцы съ воцареніемъ дома Романовыхъ и должны были удалиться изъ Россіи, но смена, ими посѣянная, осталась въ русской жизни и, благопріятствуемая обстоятельствами, стала развиваться болѣе и болѣе, какъ и должно было ожидать по естественному развитію русскаго общества, которое не могло не сочувствовать европейской жизни, какъ по воспитанію своему въ вѣдрахъ христіанской церкви, такъ и по образованію, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ представителяхъ своего просвѣщенія, а также по торговлѣ и по другимъ условіямъ, постоянно не позволявшимъ Россіи совершенно изолироваться отъ Европы. Распространеніе новыхъ идей западно-европейскаго образованія, по естественному ходу дѣла чело-вѣчески, не могло не встрѣтить сопротивленія и тѣмъ болѣе, что идеи сіи частію переходили изъ странъ враждебныхъ Россіи, а частію передавались съ большимъ презрѣніемъ въ русской жизни, вовсе незаслуженнымъ. Борьба старой русской жизни съ новыми идеями европейскаго образованія сперва не дѣлала перевѣса ни на ту, ни на другую сторону; старая жизнь сильно упорствовала, и даже въ иныхъ случаяхъ доходила до крайностей, но съ Императора Петра I, перевѣсъ борьбы явно перешелъ на сторону новаго образованія, впрочемъ основа старой русской жизни, извѣстное отличие Руси отъ другихъ народовъ осталось неприкосновеннымъ. Законодательство сего періода выразилось въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича и въ разныхъ уставахъ, регламентахъ, указахъ и другихъ учрежденіяхъ, изданныхъ, какъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, такъ и его пріемниками, до перваго изданія нынѣ дѣйствующаго „Свода Законовъ Россійской Имперіи“.

Періодъ I.

Древній бытъ славянскихъ племень, вошедшихъ въ составъ Руси.

Общинное устройство славянскихъ племень. Лѣтописи и другіе источники, дошедшіе до насъ, очень немного сообщаютъ извѣстій о первобытномъ устройствѣ славянскихъ обществъ на Руси, тѣмъ не менѣе можно составить довольно ясное понятіе объ этомъ устройствѣ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ его чертахъ. Изъ разсмотрѣнія всѣхъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ оказывается, что первобытное, до-юриковское устройство общественной жизни Славянъ на Руси было общинное, а не родовое. Лѣтописецъ, о древнемъ устройствѣ общественной жизни у русскихъ Славянъ вообще, говоритъ: „*Новгородцы бо изначала, и Смоленяне, и Кіеве и вся власти, яко же на думу на оуче сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды стануть*“. Общинное вѣчевое устройство у славянъ проникнуло во всѣ стороны общественной жизни. Каждое племя является союзомъ городовъ, городъ является союзомъ улицъ, улица—союзомъ семействъ. Слѣдовательно, первобытное устройство славянскихъ обществъ на Руси было вѣчевое, а вѣче при родовомъ бытѣ неумѣстно, тамъ глава всего устройства родоначальникъ, а не вѣче. Самая исторія поселенія Славянъ на Руси указываетъ также на общинное, а не родовое устройство. Несторъ говоритъ: „*Волохомъ бо 1) пришедшимъ на Словени на Дунайскіе, сѣдшемъ въ нихъ и насильцимъ имъ. Словени же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзи Дутичи, ити Мазовиане, ити Поляне. Тако же и ти Словени, пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарѣкошася Поляне, а друзи Древляне, зане сѣдоша въ тѣхъ; а друзи сѣдоша между Припѣтью и Двиною и нарѣкошася Дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарѣкошася Полочане рѣчки ради, яже течеть въ Двину, именемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словени же, сѣдоша около озера Ильменя, прозвашася своимъ именемъ, и сѣлаша*

1) Волохами древніе Славяне называли Римлянъ.

градъ и нарѣкоша и Новгородъ; а друзи сѣдоша по Деснѣ и Стѣми, и по Сулѣ, и нарѣкошася Стѣверъ. Тако розыдеся Словенскій языкъ“. Эти слова Нестора показываютъ, что славяне не вдругъ заселили русскую землю, но постепенно, — „сѣдоша, говорить, на Вислѣ, на Днѣпрѣ, сѣдоша на Деснѣ“ и пр. Изъ этого свидѣтельства лѣтописи видно, что Славяне не были старожилами на Руси, а переселились въ эту сторону съ Дуная. А если они были пришельцами на Руси, то родовой бытъ не могъ быть осуществленъ. Извѣстно, что родовой бытъ есть принадлежность племенъ туземныхъ, домосѣдныхъ, которыя развиваются черезъ естественное нарожденіе въ странѣ, свободно занятой ихъ предками и никому прежде не принадлежавшей, гдѣ семья, а потомъ родъ, размножаются на просторѣ, безъ соперничества, безъ соприкосновенія съ чужеземцами. Таковыя общества или племена, живутъ обыкновенно вразсыпную, каждая семья, или родъ отдѣльно; въ такихъ обществахъ не бываетъ городовъ, а только села. Такъ жили и Славяне до переселенія съ Дуная. Римскіе и греческіе писатели свидѣлствуютъ, что Славяне на Дунаѣ жили въ родовомъ бытѣ, безъ городовъ и селеній, разсѣявшись на большомъ пространствѣ отдѣльными семьями. Такъ, Прокопій, ¹⁾ жившій въ VI вѣкѣ по Р. Х., говоритъ, что Славяне не составляли государства, жили въ худыхъ хижинахъ и часто перемѣняли свои жилища. Это показаніе очевидно. То же подтверждаетъ греческій писатель VI вѣка Маврикій ²⁾; онъ пишетъ, что Славяне охотно селятся въ лѣсахъ при рѣкахъ и озерахъ, не имѣютъ городовъ, ведутъ одинокую жизнь, любятъ свободу, каждый родъ ихъ имѣетъ родоначальниковъ. Славяне, говоритъ далѣе Маврикій, преслѣдуютъ другъ друга ненавистью, не умѣютъ сражаться въ открытомъ полѣ, бьются вразсыпную. Вотъ какъ изображается жизнь Славянъ-родовиковъ писателями, достойными довѣрія. Но, переселясь въ другое мѣсто, Славяне должны были измѣнить свой образъ жизни, потому что новыя условія ихъ жизни были неблагоприятны для родового быта. Мы знаемъ, что земля, на которую они переселились, была занята племенами не славянскими. Такъ, по свидѣтельству греческихъ и римскихъ писателей, земли на востокъ отъ Дуная, можетъ быть по Припечѣ и Оку, были заняты Скивами, Сарматами и др. племенами, а на сѣверѣ отъ Припечи и Оки вплоть до Балтійскаго моря и Сѣвернаго океана, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, жили племена латышскаго и финскаго происхожденія. Эти иноплеменики совершенно стерли бы національность Славянъ, если бы они и на Руси продолжали жить также, какъ жили на Дунаѣ, вразсыпную, каждая семья отдѣльно. Такимъ образомъ чтобы обезопасить себя со стороны туземцевъ и сохранить свою національность, Славяне, при первомъ появленіи на Руси, должны были оставить родовой бытъ, селиться массами и строить города, такъ что Скандинавы называли здѣшнюю страну, занятую Славянами, страной городовъ — „Гордорикию“. Объ общемъ бытѣ Славянъ Несторъ говоритъ: „И жыяху съ миръ Поляне и Древяне, Стѣверъ и

1) Прокопій, греческій историкъ, родился въ Кесаріи, живъ при Юстиніанѣ и б. градонач. Константинополя.

2) Маврикій Тиверій, императоръ Вост. Рим. имперіи (582—608). Онъ воевалъ съ Ловгобардами, Славянами, Аварями и возстановилъ на персидскомъ престолѣ Хозрая II, убитаго Фокою.

Радимичи и Вятичи и Хорваты. Дулебы жилиху по Бугу, иди нынѣ Волыняне, а Улочи, Тиверцы съдяху по Днѣстру, присидяху къ Дунаеву, бы множество ихъ, съдяху бо по Днѣстру оми до моря, суть ради ихъ до сего дне.¹⁾ А существованіе городовъ есть уже явный признакъ общаго быта; городская жизнь, на какой бы степени развитія она не была, не можетъ быть не общинная, ибо съ нею неразлучно первое и главное условіе общинности — жить вмѣстѣ и управляться одною властію, общею силою поддерживать укрѣпленіе города, защищать городъ, имѣть общія улицы, площади, быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ гражданами; безъ сихъ условій нельзя представить городской жизни, а эти условія и представляютъ главные начала общинности, отрицающія родовой бытъ въ самыхъ его основаніяхъ и составляющія корень и основаніе всякаго общественнаго развитія. Конечно, между переселенцами можетъ иногда существовать родовой бытъ, чему свидѣтельство встрѣчаемъ мы въ германскихъ племенахъ, которые, при своихъ переселеніяхъ, большею частію удерживали формы родоваго быта въ общественномъ устройствѣ довольно долго, такъ что нѣкоторые слѣды этого устройства даже и до сихъ поръ замѣтны въ иныхъ обществахъ Германіи. Но для такого порядка дѣлъ нужно много посредствующихъ обстоятельствъ и особенное устройство народа, особенная привязанность его къ родовому быту. У славянскихъ же племенъ на Руси не было ни особенной привязанности къ родовому быту, ни благопріятствующихъ къ тому обстоятельствъ. Германскія племена, переселившіяся въ разныя страны Европы, передавали свои родовыя имена вновь занимаемымъ мѣстностямъ, напр. Нордлингъ, Нортумберландъ въ Саксоніи и Англіи; напротивъ того, славянскія племена сами принимали названія отъ мѣстностей ими занимаемыхъ: Поляне—отъ полей, Древляне — отъ дѣса, Сѣверяне — оттого, что прежде жили на сѣверѣ, а потомъ переселились на югъ, Полочане—отъ рѣчки Полоты, на которой они поселились, Новгородцы—отъ Новгорода. Явно, что Славяне у насъ не дорожили своимъ дунайскимъ родовымъ бытомъ; Германцы же такъ дорожили своимъ родовымъ бытомъ, что даже устраивали искусственные роды, напр. *дитмарсенскіе роды*, когда на самомъ дѣлѣ переселенцы не были родичами между собою. Въ исторіи русскихъ Славянъ не было помину объ искусственныхъ родахъ. Сохраненію родоваго быта у Германцевъ благопріятствовало то, что германскія племена дѣлали свои переселенія во время владычества родоваго быта на родинѣ, посему германскіе переселенцы большею частію отправлялись въ путь съ строгимъ соблюденіемъ родовыхъ формъ, подъ предводительствомъ родоначальника. Переселенія германскія были произвольны: напротивъ, Славяне стали переселяться съ Дуная тогда, когда ихъ родовой бытъ былъ сильно потрясенъ и даже разстроенъ Римлянами, которые постепенно занимали ихъ земли и строили тамъ свои города. Славяне начали переселяться за Дунай не по доброй волѣ, а по принужденію, вслѣдствіе насилій, какъ прямо говоритъ Несторъ: „Волохомъ бо нашедшимъ на Словени на Дунайскіе“. Притомъ не нужно упускать изъ

1) См. стран. 7 лѣтописи Нестора по Лаврентьевск. списку изд. 1864 г. Москва.

виду, что близкое и продолжительное сосѣдство Славянъ съ Греками и Римлянами на Дунаѣ сильно потрясло ихъ родовой бытъ и развило въ нихъ потребность общественнаго устройства. Что уже Славяне дунайскіе должны были во многомъ измѣнить свой родовой бытъ, показываетъ ихъ исторія на Дунаѣ; такъ, въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣка въ царствѣ Болгарскомъ и у Сербовъ являются города съ чисто общиннымъ устройствомъ. Хотя исторія замѣтила ихъ только въ эту эпоху, но по всей вѣроятности они были еще раньше. Стало-быть, переселяясь въ восточную Европу, Славяне разувѣрились уже въ превосходствѣ родowego быта еще на Дунаѣ. Переходя къ нашей исторіи, мы видимъ, что когда славянскія племена пришли на Русь, у нихъ является уже общинное устройство; слѣдовательно, родовой бытъ былъ потрясенъ еще на Дунаѣ. Племена, переходя на Русь, принесли съ собою нѣкоторое образованіе, чему служитъ доказательствомъ то, что они уже занимались земледѣліемъ; въ сравненіи съ туземными финскими и латышскими племенами, они были несравненно выше въ своемъ развитіи, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что большая часть латышскихъ и финскихъ племенъ еще до Рюрика была подчинена Славянамъ и при томъ не столько, кажется, войною, сколько колонизаціею, постройкою славянскихъ городовъ между финскими и латышскими племенами. Такъ, исторія застаётъ уже Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и др. славянскіе города среди поселеній Веси, Мери и Муромы и этотъ финскій край на глазахъ исторіи до того ослабился, что уже въ XII в. трудно ихъ было отличить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ Славянъ—явный признакъ, что Славяне уже пришли на Русь, находясь въ извѣстной степени развитія, что общественное устройство у нихъ не было родowego, а общинное, такъ что они принимали всякаго иноплеменника въ свое общество и дѣлали его равноправнымъ. Родовой бытъ этого не допускалъ: здѣсь всякій, вступавшій на землю чужого рода, долженъ былъ сдѣлаться или рабомъ, или умереть, какъ это было у Германцевъ; напротивъ, у Славянъ на Руси не видимъ, чтобы исключали неродича. Славяне принимали въ свое общество Финновъ, какъ равноправныхъ; такъ извѣстно, что въ приглашеніи Варяго-Руссовъ вмѣстѣ съ Славянами участвовали и Чудь,—слѣдовательно признавалась одноправною съ Славянами; это же условіе принятія въ общество иноплеменниковъ явно указываетъ на общинное устройство у Славянъ на Руси, — только община не полагаетъ различія между единоплеменниками и иноплеменниками. Вообще можно принять съ достовѣрностію, что Славяне измѣнили свой бытъ еще на Дунаѣ и преимущественно отъ вліянія сосѣднихъ Грековъ и Римлянъ. Наконецъ, вѣрнымъ признакомъ общественнаго состоянія Славянъ могутъ служить еще особенныя условія владѣнія землею. У насъ, на Руси, и у Сербовъ на Дунаѣ было два вида владѣнія: общинное и частное поземельное владѣніе ¹⁾. Въ первомъ видѣ земля составляла принадлежность цѣлаго общества и каждый членъ его имѣлъ право *владѣнія и пользованія безъ права отчужденія*; во второмъ же видѣ земля составляла полную собственность владѣльца съ *правомъ отчужденія*. Такой порядокъ владѣнія возможенъ только при общинномъ

¹⁾ Общинное владѣніе по-сербски называлось *жупа*, частное—*баштына*.

устройствъ. Въ родовомъ же бытѣ земля принадлежить цѣлому роду, и члены его пользуются ею. Въ древней Германіи всѣ члены рода дѣлили между собою всю землю, составлявшую принадлежность одного извѣстнаго рода, и ни одинъ хозяинъ не оставался по нѣскольку лѣтъ на одной землѣ. Это сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ, тогда какъ у славянскихъ племенъ на Руси не было и помину о такомъ ежегодномъ раздѣлѣ. У насъ каждый членъ общества владелъ землею общины такъ, что могъ передать ее и своимъ дѣтямъ. Общинное владѣніе различалось отъ частнаго только тѣмъ, что владѣлецъ общинной земли непремѣнно долженъ былъ быть членомъ общества.

Итакъ, устройство Славянъ на Руси было общинное, а не родовое. Двѣ причины имѣли вліяніе на измѣненіе родового быта Славянъ: 1) сосѣдство съ Греками и Римлянами, поколебавшее родовой бытъ Славянъ еще въ то время, когда они жили на Дунаѣ; 2) переселеніе въ чужую землю, занатую финскими и латышскими племенами, поставило славянъ въ необходимость жить въ чужой землѣ общинами и строить города, чтобы не сѣмшаться съ туземцами. По свидѣтельству Нестора родовой бытъ сохранился только у одного изъ славянскихъ племенъ, переселившихся на Русь—у Полянъ: *„Полянѣ же живущимъ особѣ и володѣющимъ роды своими, иже и до сѣе братѣхъ бяху Поляне и живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще каждо родомъ своимъ“*. Но и Поляне не долго держались формъ родового быта. Несторъ же говоритъ далѣе ¹⁾, что надъ всѣми родами полянскими возвысился родъ Кія, Щека и Хорива, и что у нихъ былъ построенъ городъ Кіевъ. Изъ этого видно, что Поляне оставили въ послѣдствіи родовой бытъ и стали держаться быта общиннаго, потому что преобладаніе одного рода надъ другими невозможно при родовомъ бытѣ, точно также, какъ и построеніе города есть прямое отрицаніе родового быта.

Бытъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Мы видѣли, что общественное устройство Славянъ на Руси было общинное, а не родовое. Теперь посмотримъ, какъ у того, или другого племени развивалась общинность. Славянскія племена, пришедши на Русь съ Дуная, заняли пространство земли отъ Чернаго до Бѣлаго и Балтійскаго морей. Естественно, что при такой разселенности онѣ не всѣ жили одинаково: нѣкоторые изъ нихъ скорѣе почувствовали необходимость въ общинномъ бытѣ и развили его, другіе, напротивъ, могли остаться при старомъ родовомъ бытѣ. Начнемъ съ племенъ, жившихъ на ю. Россіи; къ нимъ относятся:

Уличи и Тиверцы. Эти племена жили по побережью Чернаго моря, отъ нижняго Дуная до Днѣпра. Угрожаемые съ запада тѣмъ же врагомъ, который принудилъ ихъ передвинуться на Русскую землю, а съ востока разными кочевниками, Уличи и Тиверцы, вскорѣ по переселеніи, принуждены были обратиться къ общинной жизни. Баварскій географъ, относящійся ко второй половинѣ 9-го вѣка, насчитываетъ у Уличей 318, а у Тиверцевъ 148 городовъ. Существованіе городовъ у этихъ племенъ доказываетъ, что бытъ ихъ былъ общинный. Но насколько онъ былъ развитъ у нихъ, какъ устроенъ былъ

1) См. Лавр. св. ст. 4 изд. ід.

каждый городъ, въ подробности намъ неизвѣстно. Несторъ говоритъ только, что они были сильны, такъ что Олегъ не могъ покорить ихъ, хотя воевалъ съ ними 10 лѣтъ ¹⁾. Игорь съ большиною трудомъ велъ войну съ ними, подъ однимъ изъ ихъ городовъ Пересѣчною его войска стояли около 3-хъ лѣтъ. Но неизвѣстно, были ли эти племена покорены имъ, извѣстно только то, что они платили Игорю дань.

Дулѣбы или Бумане („зане сѣдоша по Бугу“) и Волыняне жили по р. Бугу на сѣверъ отъ Уличей и Тиверцевъ. Объ ихъ внутреннемъ устройствѣ мы имѣемъ мало свѣдѣній. По свидѣтельству Нестора, эти племена переселились очень рано и въ половинѣ VII столѣтія были покорены Аварами, которые слишкомъ жестоко обращались съ покоренными ²⁾. На сѣверъ отъ Дулебовъ и Волынянъ жили дикіе Литовцы и еще болѣе дикіе, воинственные Ятвяги, племя, которое, не смотря на всѣ усилія покорить его, просуществовало около 500 лѣтъ. Со-сѣдство съ этими племенами, конечно, заставило Дулебовъ и Волынянъ жить не иначе, какъ обществами и имѣть города. Такимъ образомъ, мы имѣемъ, хотя и косвенное, указаніе въ лѣтописи на то, что Дулебы и Волыняне жили общинами, но кромѣ этого мы имѣемъ еще другое историческое свидѣтельство—мины, которые мы находимъ въ былинахъ Владимира Святого. Въ нихъ Уличи и Волыняне представляются чрезвычайно богатыми людьми. Далѣе, въ этихъ минахъ есть указанія и на внутреннее устройство племенъ этихъ; изъ сихъ краевъ у Владимира Св. были два богатыря, имѣвшіе особенный отъ другихъ богатырей характеръ, это—Дюкъ Степановичъ и Чурило Пленковичъ. Чурило Пленковичъ, красивый, молодой человекъ, въ сопровожденіи богатой дружины, ѣдетъ въ Кіевъ къ Владимиру, который принимаетъ его очень ласково и разспрашиваетъ его, кто онъ. „Я сынъ, говоритъ Чурило, стараго Плена изъ Волыни; мой отецъ проситъ тебя принять меня къ себѣ на службу“. Владимиръ принялъ его, но черезъ нѣсколько времени вздумалъ самъ побывать въ гостяхъ у стараго Плена. Здѣсь онъ находитъ у него великолѣпное жилище, около котораго красовались громаднѣйшія строенія; вездѣ видно было поразительное богатство и пышность. О Дюкѣ Степановичѣ есть другое преданіе. Галичанинъ Дюкъ, по смерти своего отца, явился на службу къ Владимиру съ великолѣпной свитой и хвастался своимъ богатствомъ, такъ что дивилъ всѣхъ. На обѣдѣ у Владимира онъ рѣзко высказался противъ бѣдности Кіевлянъ. Раздраженный князь отправилъ посла для разузнанія о Дюковыхъ богатствахъ. Посланный, воротавшись, говорилъ, что богатство Дюка дѣйствительно необъятно: „чтобы переписать его, нужно два воза перьевъ и чернилъ, а бумаги ни-вѣсть сколько“. Но ни Дюкъ Степановичъ, ни Чурило Пленковичъ нигдѣ не называются князьями. Стало-быть у Уличей, Тиверцевъ, Дулебовъ и Волынянъ не было князей, но тутъ жили какіе-то богатые люди, отъ которыхъ вполнѣ зависѣли прочіе жители.

1) Несторъ говоритъ: „Въ лѣто 6393.... бы обладая Олегъ Поляне и Древляне, Сѣверяне и Радимичи, а съ Уличи и Тиверцы имаше рать“. Ст. 11 Лавр. сп.

2) Несторъ говоритъ: „Обрѣ воеваху на Словевахъ и нанмуша Дулебы, сущая Словѣны и насиліе творяху женамъ Дулебскимъ: аще похъати будише Обрину не дадаше впрѣгати коня, ни вола, но велаше впрѣгати 3-ли, 4-ли, 5-ли женъ въ телѣгу и повезше Обръвна, тако мучаху Дулѣбы“. Ст. 5, Лавр. сп.

На востокъ отъ Дулебовъ и на сѣверовостокъ отъ Тиверцевъ жили Древляне, сосѣдившіе у верховьевъ Ирши и Тетерева съ Полянами. Объ общественномъ устройствѣ въ этомъ племени, Несторъ сохранилъ нѣсколько драгоцѣнныхъ извѣстій, при описаніи войны Древлянъ съ Игоремъ и съ Ольгою. Изъ этихъ извѣстій видно, что главою Древлянскаго племени былъ князь, онъ былъ главнымъ попечителемъ всей земли, онъ пашъ Деревскую землю, по выраженію лѣтописи, старался объ ея распространеніи, о порядкѣ и нарядѣ цѣлой страны. Но вмѣстѣ съ княземъ участвовали въ управленіи и лучшіе мужи, которыхъ Несторъ прямо называетъ—державшими землю; такъ при описаніи вторичнаго посольства Древлянъ къ Ольгѣ, онъ говоритъ: „Древляне избраша лучшіе мужи, иже державу деревскую землю“. Замѣчательно, что лѣтописецъ сихъ держателей Древлянской земли называетъ лучшими мужами, а не старѣйшинами, явный признакъ общиннаго быта въ сильномъ развитіи. Далѣе вмѣстѣ съ княземъ и лучшими мужами участвовало въ управленіи и все племя Древлянъ. Такъ лѣтописецъ, описывая вторичное нападеніе Игоря на Древлянскую землю, говоритъ: „Древляне сдумавше со Княземъ своимъ Маломъ, послали къ Игорю глаголюще: почто идеши опять“. Или древлянское посольство говоритъ Ольгѣ: „посла ны деревская земля“. Здѣсь община выступаетъ во всемъ своемъ развитіи; послы прямо говорятъ, что они посланы отъ всей Деревской земли, а не отъ князя или старѣйшинъ; слѣдовательно Деревская земля составляла что-то цѣлое, общину, моральную личность. Общественное устройство Древлянъ совершенно одинаково съ общественнымъ устройствомъ Сербовъ, какъ оно представляется изъ Душанова Законника и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ. У Сербовъ, какъ и Древлянъ, былъ свой князь или *жупанъ*, свои *властители* или лучшіе люди, державшіе землю, какъ они именно и называются въ сербскихъ памятникахъ, также свои народныя собранія или *вѣча*, называвшіяся *соброрами*. А сербское общественное устройство, по послѣднему слову науки, признается *общиннымъ*, или, какъ Сербы называютъ, *оптина*, *объкина* (докторъ Бръстичъ). Слѣдовательно, ясно, что и древлянское устройство, описанное Несторомъ, было общинное. Еще замѣчаніе относительно лучшихъ людей. Въ лучшихъ людяхъ нельзя видѣть родоначальниковъ или старѣйшинъ, а только поземельныхъ собственниковъ, какъ у Сербовъ волостители. Существованіе частной собственности служить лучшимъ доказательствомъ того, что быть ихъ былъ не родовой, а общинный. У народовъ, живущихъ въ родовомъ бытѣ, земля принадлежитъ цѣлому роду, а частной собственности не можетъ быть. Таково было владѣніе землею у Германцевъ. Напротивъ, при общинномъ бытѣ есть два рода владѣнія: *общинное*, когда земля принадлежитъ цѣлой общинѣ, причемъ членъ ея только пользуется доходами съ участка земли, имъ занимаемой, безъ права продажи, и *частное*, принадлежащее одному лицу, какъ собственность, (вотчина) и образовавшееся такимъ образомъ: земля въ какомъ-нибудь мѣстѣ, напр., въ лѣсу, остается по неудобности невоздѣланною и не приноситъ никакого дохода; чтобы заставить ее приносить доходъ, нужно затратить капиталъ и нужно имѣть силу защитить ее, что для человѣка съ ограниченными средствами невозможно. Когда землею владѣютъ на общинныхъ правахъ, тогда одна часть защищаетъ ее, а другая